

НАВСТРѢЧУ НАНСОНА.

(Экспедиція на Югорскій Шаръ.)

Не такъ давно, чрезъ Норвегію и Архангельскъ, возвратился въ Тобольскъ съ Югорскаго Шара тобольскій мѣщанинъ А. И. Тронтхеймъ, ѣздившій навстрѣчу известной экспедиціи Нансона, для котораго онъ приобрѣлъ на сѣверѣ Тобольской губерніи ѣздовыхъ собакъ и доставилъ ихъ на пароходъ экспедиціи Fram. Кромѣ встрѣчи съ неустрашимымъ путешественникомъ, сама поездка Тронтхейма изъ Березова до с. Мужей и далѣе р. Войкаромъ, черезъ сѣверные отроги Уральскаго хребта, а затѣмъ и путешествіе по лѣсамъ и тундрамъ до Югорскаго Шара, представляются довольно интересными, а потому мы и познакомимъ съ ними нашихъ читателей, по разсказу самого Тронтхейма.

Однакожь прежде необходимо ознакомиться съ личностью А. И. Тронтхейма. Онъ ѣздилъ вдоль и поперекъ всю обширную Сибирь и особенно сѣверъ Тобольской губерніи и его вполне можно отнести къ тѣмъ пионерамъ, которые, смотря по обстоятельствамъ, смѣло проходили или съ мечомъ или съ крестомъ невѣдомыя страны, оказывая нерѣдко культурѣ и человечеству незамѣнимыя услуги. Ихъ влечетъ туда не жажда легкаго личнаго обогащенія, а глубокой и иногда имъ самимъ непонятный интересъ къ новизнѣ, сопряженной съ опасностями. А. И. Тронтхеймъ, нѣмецъ-колонистъ по происхожденію, прибылъ въ Сибирь въ 1876 г. Пробывъ въ Тобольскѣ два года безъ опредѣленныхъ

занятій, онъ въ 1878—79 гг. сопровождаетъ внизъ по Оби, въ качествѣ переводчика, путешественниковъ Генриха фонъ-Тейгнера, камеръ-юнкера датскаго короля, и Христофора Гага. Это было первое основательное знакомство его съ нашимъ сѣверомъ. Сопутствуя двумъ нѣмецкимъ ученымъ, очень плохо понимавшимъ по-русски, Тронтхейму поневолѣ пришлось во все вникать, все узнавать и обо всемъ разсвѣршивать. Возвратившись изъ этой экспедиціи, А. И. Тронтхеймъ, пробывши немного времени въ Тобольскѣ, поступаетъ на службу къ А. М. Сибирякову на Печору, откуда сопровождаетъ А. М., на его пароходѣ „Обь“, въ Швецію и Норвегію. Въ 1888 г. снаряжается известная экспедиція изъ Англіи, подъ командою капитана Виггинса, къ устью р. Енисея, и г. Тронтхеймъ поступаетъ служить на пароходѣ „Лабрадоръ“. Добравшись благополучно до Югорскаго Шара, Тронтхеймъ, увлеченный отважнымъ юношей саромъ Моріеромъ, сыномъ англійскаго посла при русскомъ дворѣ, оставляетъ палубу „Лабрадора“ и вмѣстѣ съ Моріеромъ, имѣя лишь лыжи да охотничьи ружья, пускается въ опасный и неизвѣстный имъ обоимъ путь отъ береговъ Ледовитаго океана въ глубь материка, почти никѣмъ ненаселеннаго, надѣясь пройти черезъ Уральскій хребетъ и добраться до Березова. Это предпріятіе по своей смѣлости равнялось безумію. Съ компасомъ въ рукѣ и ружьями за плечами, бредутъ двое смѣльчаковъ по неизвѣстной имъ необозримой равнинѣ и, наконецъ, изнеможенные, оба близкіе къ голодной смерти, попадаютъ въ юрту добрыхъ инородцевъ, при помощи которыхъ и добираются до Березова. Это путешествіе въ свое время надѣлало много шума не только у насъ, но и за границей. Послѣ этого г. Тронтхеймъ вновь поступаетъ къ А. М. Сибирякову, отправляется на золотые прииска Восточной Сибири, потомъ опять возвращается

на Ливинскую Сибиряковскую пристань, а отсюда вновь на р. Лену. Были года, когда Тронтхеймъ дѣлалъ по Сибири десятки тысячъ верстъ и по мѣсяцамъ не оставлялъ повозки.

Но—къ дѣлу.

Въ теченіе осени и части зимы 1892 г. Тронтхеймъ занимался на р. Сосвѣ ловлею сельдей и заготовленіемъ ихъ въ прокъ. Въ началѣ января н. г. онъ прібылъ съ партіей сельдей въ Тюмень. Въ это время въ Тюмени находился баронъ Толь, занятый по просьбѣ Нансена присканіемъ подходящаго человѣка, который могъ бы купить и доставить къ определенному времени на Югорскій Шаръ партію ездовыхъ собакъ. Бывшій тобольскій губернаторъ В. А. Тройницкій, къ которому Толь обратился съ просьбою о содѣйствіи въ удовлетвореніи сказанной нужды экспедиціи, телеграммой на имя пароходовладѣльца Э. Р. Вардропера, рекомендовалъ для этого дѣла г. Тронтхейма, какъ человѣка опытнаго и знающаго хорошо сѣверъ. Въ виду этого, Тронтхеймомъ и былъ заключенъ съ Толемъ и Вардроперомъ контрактъ, по которому первымъ должно было быть закуплено на р. Сосвѣ 30 лучшихъ отборныхъ собакъ, вполне годныхъ для запряжки, которыя и должны были доставлены, чрезъ Уральскій хребетъ до Югорскаго Шара, къ истечку Хабарово.

Заключивъ контрактъ, Тронтхеймъ 16-го января былъ уже въ Березовѣ, гдѣ въ это время начался сборъ лисака и было большое стеченіе остяковъ и самоѣдовъ. Пользуясь съѣздомъ инородцевъ, Тронтхеймъ закупилъ на выборъ 33 собаки, приученныхъ къ бѣдѣ въ нартахъ (самоѣдскія сани). Эти собаки, для испытанія ихъ выносливости, были впряжены въ три нарты, на которыя было положено по 10 пг. вѣщи—корму для собакъ—и съѣло по одному человѣку. На этихъ собакахъ Тронтхеймъ благополучно проѣхалъ

изъ Березова до с. Мужей. Здѣсь онъ началъ приготовленія къ дальнѣйшему пути. Въ этихъ приготовленіяхъ, а также и наймъ зырянина съ оленями прошло время до 4 апрѣля. Къ этому дню, назначенному для выстушенія въ путь, Тронтхеймомъ было заготовлено для собакъ до 300 пудовъ корма, состоявшаго преимущественно изъ сушеной рыбы; для дальнѣйшаго пути нанятъ зырянинъ Терентьевъ со стадомъ оленей въ 450 головъ, который обязался доставить путешественника, вмѣстѣ съ собаками и кладью, до Югорскаго Шара, съ условіемъ употребить изъ имѣемыхъ у него оленей для пищи собакъ до 30 шт. головъ за особую плату; за проѣздъ назначалась плата въ 300 руб.

Въ с. Мужахъ, Тронтхеймъ встрѣтился съ экспедиціей доктора Германа Деккера, путешествовавшаго съ этнографическими цѣлями и собиравшаго коллекціи. Докторъ Деккеръ направлялся также за Уральскій хребетъ и потому, воспользовавшись предложеніемъ Тронтхейма, отправился вмѣстѣ съ нимъ.

Выѣздъ изъ Мужей послѣдовалъ 4 апрѣля. Собаки были впряжены къ нартамъ по 4 штуки. Экспедиція двигалась довольно быстро. Въ теченіе дня дѣлали не болѣе двухъ приваловъ: на время обѣда и ночи. Зыряне-оленоводы ѣхали на кочевку со своими семьями—женами и дѣтьми, а потому вечеромъ, при остановкахъ, ставились чумы, разводился огонь и варились пища какъ людямъ, такъ и собакамъ. Затѣмъ весь станъ засыпалъ, предоставляя караулить оленей маленькимъ собакамъ. Рано утромъ, когда при началѣ пути еще можно было различать, когда кончается ночь и начинается день, зыряне, при помощи тѣхъ же собакъ, собирали въ кучу оленей, быстро снимали чумы и вновь двигались. Это былъ сворѣе кочевка, чѣмъ путешествіе: двигались не прямо къ цѣли, а оглябая большія пространства и оста-

навливались не тамъ, гдѣ хотѣлось, а тамъ, гдѣ было удобно для оленей и гдѣ послѣдніе могли найти себѣ мохъ.

Изъ села Мужей экспедиція шла по р. Войкару до его вершины, а съ вершины стала подниматься на Уральскій хребетъ, черезъ проходъ Хойла. Переваливая черезъ хребетъ, она старалась идти у подошвъ горъ, не поднимаясь на нихъ. Это хотя и удлиняло путь, но снѣжить вообще не было надобности, а главное къ этому времени вершины горъ уже очистились отъ снѣговъ и слѣдовать по нимъ на нартахъ было бы крайне затруднительно.

На сѣверномъ Уралѣ замѣчается вообще совершенная противоположность его южнымъ горамъ: тамъ снѣгъ быстро таетъ внизу, оставаясь на вершинахъ горъ, здѣсь же наоборотъ—вершины горъ освобождаются прежде, чѣмъ лучи солнца проникнуть въ долины. Въ некоторыхъ долинахъ, особенно защищенныхъ съ юга отрогами и болѣе открытых для сѣверныхъ вѣтровъ, снѣгъ не сходитъ въ теченіе всего лѣта.

Во время путешествія отъ с. Мужей по Уральскому хребту д-ръ Деккеръ, въ сопровожденіи Тронштейма, очень часто, оставивъ караванъ, на легкихъ нартахъ, дѣлалъ экскурсіи въ горы, собирая разные геологическія и отчасти ботаническія коллекціи, кромѣ того Деккеръ имѣя небольшой фотографическій аппаратъ, снялъ много мѣстностей, особенно въ живописномъ горномъ проходѣ Хайла. Во время этихъ экскурсій путешественники также предавались охотѣ, стрѣлая преимущественно куропатокъ, которыхъ попадалось очень много; болѣе крупной дичи охотники не видѣли; отправляться же за роясками ео далѣе въ горы безъ проводника, было очень рискованно.

Переваливъ за Уралъ, путники шли сначала по рѣкѣ Лембѣ, а потомъ, переправившись черезъ нее, по цѣлой системѣ неболь-

шихъ рѣчекъ, названія которыхъ не могъ сказать ни одинъ изъ рязнянъ. Наконецъ 22 апрѣля экспедиція дошла до р. Усы, на которой расположена изба зырянина Никитцы.

Имба зырянина Никитцы (или Никиты), много лѣтъ поселившагося здѣсь и устроившаго себѣ вмѣсто чума для зимы, является единственнымъ жилищемъ пунитомъ на громадномъ пространствѣ, измѣряемомъ сотнями верствъ. На этомъ пространствѣ лишь изрѣдка можно встрѣтить кочующихъ зырянъ и еще рѣже забредшаго по прихоти оленей самоѣдина. Д-ръ Деккеръ остановился возлѣ самой избы, въ которой теперь, за смертью самого хозяина, живетъ его сынъ Тронштеймъ же со стадомъ оленей остановился далѣе верствъ на десять для оленей нуженъ былъ кормъ и это заставило его уйти далѣе избы.

Необходимо замѣтить, что, приближаясь къ избѣ Никитцы, путешественники съ большимъ трудомъ перешли р. Усу, благодаря образовавшимся на ней отъ оттепелей полымъ мѣстамъ, при чемъ Деккеръ утратилъ даже въ воду. Однакожъ это маленькое приключеніе прошло благополучно. Въ тундрѣ снѣгъ былъ еще очень глубокой, но вслѣдствіе оттепелей и ночныхъ холодовъ образовалась гололедица, что замедляло путь и представляло трудность оленямъ добывать пищу. Поэтому было рѣшено, чтобы не изнурять оленей, остаться близъ избы Никитцы недѣли двѣ. Въ теченіе этого времени, чуть не каждый день, Деккеръ и Тронштеймъ бѣдали другъ къ другу въ гости и охотились, хотя охота была и не совсѣмъ удачная. Чтобы разнообразить скучное время и доставить свѣжей пищи собакамъ, въ одинъ изъ послѣднихъ дней стоянки, наши путешественники, захвативъ двухъ собакъ, отправились въ тундру ловить полевыхъ мышей. Въ теченіе дня было наловлено этой нецѣнной дичи болѣе 300 шт.

Въ началѣ стоянки близъ р. Усвы, кочевники встрѣтились съ другимъ зырянско-оленеводамъ Поповымъ. У послѣдняго въ это время случилось несчастье: въ тундру онъ ушелъ равнѣ Тронтьхейма недѣлями двумя и за это время, благодаря глубокому снѣгу и гололеду, затруднившимъ добывать мохъ, олени его похуѣли и отоцали до того, что ему пришлось возвратиться обратно въ болѣе лѣсистыя мѣстности и остаться тамъ лѣтовать, чтобы олени могли поправиться.

Отправка нашихъ путешественниковъ далѣе, предположена была 6-го мая, но въ этотъ день сильная оттепель раскрыла небольшую рѣчку и двигаться до ночи было невозможно. Въ этотъ день д—ръ Деккеръ и Тронтьхеймъ братски простились и первый остался ждать вскрытія р. Усвы, чтобы отправиться въ Россію.

На всемъ протяженіи, отъ верховьевъ Войкара до р. Усвы и далѣе, растетъ лѣсъ, въ которомъ преобладаетъ ель; иногда же встрѣчаются лиственница, низкорослая сосна и изрѣдка береза. Особеннаго вниманія заслуживаетъ тонкая и крѣпкая ель — одно изъ полезныхъ деревъ для сѣвернаго населенія. Она рѣдко достигаетъ здѣсь значительной толщины, хотя иногда и довольно высока; растетъ же, благодаря неблагоприятнымъ климатическимъ условіямъ и почвѣ, очень медленно. Д—ромъ Деккеромъ были срублены на Усвѣ ели для опредѣленія ихъ долговѣчности и нѣкоторыхъ, по словамъ ихъ, можно давать не менѣе 150—170 лѣтъ, хотя они и очень тонки для этого возраста — не болѣе 3 вер. въ діаметрѣ. Ель очень тверда и сдѣланныя изъ нее парты, при всей тонкости полозьевъ, рѣдко ломаются.

Въ ночь на 7-ое мая, Тронтьхеймъ двинулся далѣе и на слѣдующій день караванъ пришелъ къ р. Варкута. Чтобы цайти удобный переходъ, пришлось идти три-четыре версты вверхъ до

изгиба рѣчки, гдѣ съ трудомъ былъ сдѣланъ переходъ. Перешедши на другой берегъ, Тронтьхейму пришлось остановиться на нѣсколько дней. Въ это время самки оленей начали плодиться и итти скорѣе было невозможно. Особаго ухода за новорожденными оленями и самками со стороны оленеводовъ обыкновенно не бываетъ: новорожденные олени въ тотъ же день начинаютъ бѣгать за матерью; лишь въ большіе морозы оленеводъ даетъ не надолго приютъ самкѣ у себя въ чуму, но и это бываетъ рѣдко.

Начиная съ первыхъ чиселъ мая, въ этой мѣстности трудно уже было отличать ночь отъ дня: огненный шаръ солнца совершенно не сходилъ съ горизонта и ночью было такъ светло, что свободно было можно писать и читать.

Съ р. Усвы до Варкута и далѣе Тронтьхеймъ съ спутниками шли лѣсомъ, который росъ въ изобиліи. Къ срединѣ мая по мѣрѣ того, какъ подвигался караванъ далѣе въ тундру, лѣсъ становился все мельче и мельче и 15 мая онъ шелъ уже по совершенно мелкому перелѣску. Здѣсь лѣсъ переходитъ въ кустарники, растущія мѣстами зарослями и начинается настоящая необозримая тундра. Чтобы при вступленіи въ тундру не остаться безъ топлива, въ лѣсу было нарублено и набрано валежнику и др. сухого лѣса восемь вартъ. 16 мая лѣсъ окончился совершенно и зыряне со стадомъ вступили въ настоящую тундру; по дорогѣ изрѣдка лишь попадались небольшіе кустарники, которые тѣмъ далѣе, тѣмъ становились рѣже и меньше. Мѣстность была гористая. На вершинахъ горъ снѣгъ сталъ совершенно, въ оврагахъ же и у подошвы было еще его довольно. Старались итти низменностями, что было легче для оленей.

(До слѣдующаго №-ра.)

НАВСТРѢЧУ НАНСОНА.

(Экспедиція на Югорскій Шаръ.)

Продолженіе.

16-го мая былъ день св. Троицы. Это—двойной праздникъ для зырянъ, чтущихъ неопустительно всякое воскресенье и каждый церковный праздникъ.

Рассказывая о своей экспедиціи, А. И. Тронтхеймъ передалъ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній и о житіи-бытіи зырянъ.

По его словамъ, всѣ зыряне, какъ кочующіе на необозримыхъ тундрахъ, со стадами оленей, такъ и осѣло живущіе въ с. Мужахъ, отличаются большою пубожностью. Въ праздничные дни, если они находятся близъ селенія, гдѣ есть церковь или часовня, то, надѣвъ свои лучшія платья, отправляются на богомолье; во время же кочевекъ, дни эти чтутся ими не менѣе и проводятся съ особенною торжественностію. Ни одинъ зырянинъ-оленевода не двинется въ путь въ этотъ день и не будетъ во все утро дѣлать никакой работы. Въ это время, при постановкѣ чума, зырянка вынимаетъ изъ особаго ящика завернутые въ полотенеца образа, которые и ставятся напротивъ входа въ чумъ на особо-прикрѣпленную полку. Утромъ глава семейства беретъ небольшой ковшичекъ съ углями, посыпаетъ туда ладану и кадить передъ образами, противъ которыхъ горятъ восковыя свѣчи. Затѣмъ онъ читаетъ молитвы, послѣ которыхъ семья его уже ничего не дѣлаетъ до того времени, когда, во времени, не кончатся обѣды. Послѣ обѣды семья приступаетъ къ завтраку, отличающемуся отъ обычныхъ дней оби-

лемъ и лучшимъ качествомъ. У зырянъ, среди которыхъ проводилъ время г. Тронтхеймъ, по праздникамъ нѣрѣдко пеклись блины и подавалось особое кушанье изъ оленьихъ роговъ, замѣнявшее десертъ. Весной, когда у оленей начинаютъ расти новые рога, зыряне выбираютъ изъ стада молодыхъ оленей и небольшой пилой срѣзываютъ у нихъ подъ самый корень рожки, не успѣвшие еще окостенѣть и держатъ нѣсколько минутъ въ огнѣ, дабы обгорѣть шерсти; за это время рога успѣваютъ хорошо нагрѣться и тогда, оскобливъ ихъ, осторожно надрѣзавъ и снявъ кожу, зыряне съ особеннымъ удовольствіемъ ѣдятъ находящееся подъ кожейю студенистое вещество. Это вкусное и питательное блюдо походитъ на желе. Зыряне очень любятъ его, но употреблять въ пищу это блюдо можно только разъ въ годъ—весной. Рога отрѣзываютъ у однихъ лишь самцовъ, не трогая самокъ, на которыхъ эта операція дѣйствуетъ губительно. Если извѣстному оленю уже разъ весной обрѣзали рога, то оленеводъ долженъ это дѣлать регулярно каждый годъ; въ противномъ случаѣ олень начинаетъ худѣть и не поправляется въ теченіе всего лѣта. Срѣзываніе молодыхъ роговъ—чувствительная операція для оленя. Чтобы предупредить большую потерю крови, зырянинъ, сдѣлавъ операцію, перевязываетъ мочалкой корень рога, кровь часа черезъ два подсыхаетъ и изліяніе ея прекращается. Операція эта не прекращаетъ дальнѣйшаго роста роговъ. Послѣ завтрака зыряне отдыхаютъ и начинаютъ работать лишь передъ вечеромъ. Вся тяжелая, черная работа лежитъ на женщинахъ, положеніе которыхъ въ семьѣ, вслѣдствіе этого, нелегкое. Вся работа самого оленевода сводится къ завряжкѣ и распряжкѣ оленей, поправкѣ нартъ, остальное же дѣло возложено на женщинъ. Усталая, нѣрѣдко промокшая и сильно ознобшая зырянка съ момента остановки на кочевкѣ погружена

въ работу. Каждой жевщине, будь она взрослая или малолѣтняя, вручено управление оленями, отъ трехъ до пяти паръ, съ партами. Поѣздъ послѣднихъ зовется „аргишъ“. Прибывшія на мѣсто стоянки, женщины сначала должны распречь каждую свою „аргишъ“, и выпустить оленей, снять съ парть чумъ и установить его. Чумъ — конусообразное по наружному виду строение, замѣняющее для кочевника жилище; онъ очень легокъ и состоитъ изъ 48 тонкихъ жердей. При устройствѣ чума, сначала ставится двѣ связанныхъ ремнемъ жерди, къ которымъ и приставляются уже остальные. Сухими, легкими, но крѣпкими и тонкими основными жердями зыряне запасаются по эту сторону Урала; въ лѣсахъ; перѣдко ихъ они приобретаютъ и отъ остяковъ и самоѣдовъ, кочующихъ на правомъ берегу Оби. Когда остовъ чума готовъ, то его обтягиваютъ оленьими шкурами. Накнувъ на верхъ чума постлю, его обвиваютъ наискось веревкою, прикрѣпляя ее къ одной изъ жердей. Чумъ бываетъ готовъ въ нѣсколько минутъ. Лѣтомъ, когда, благодаря дождямъ и солнцу, оленья прѣть, чумы обтягиваютъ берестомъ. Эта берестенная обтяжка называется „киски“. Чумы зырянъ небольшіе и служатъ имъ лишь защитой во время ночлега. Внутренность и обстановка чума довольно убога. Посрединѣ чума находится небольшой очагъ, гдѣ немедленно же послѣ установки разводится огонь, поддерживаемый до поздней ночи. Онъ согреваетъ и освѣщаетъ помѣщеніе. Надъ очагомъ, на небольшихъ козлахъ, висятъ котлы, чайники; тутъ же можно найти и другіе незамысловатую посуду. Вокругъ очага, начиная отъ входной двери, которую замѣняетъ оленья шкура, насланы доски, чтобы можно было сидѣть не на голой сырой землѣ; доски эти доходятъ до полки, гдѣ находятся вилы. По обѣимъ сторонамъ досокъ настилаютъ на землю рогажи, сплетенныя изъ травы „щирей“, называемыя

„тогары“. Сами зыряне не дѣлаютъ ихъ, а покупаютъ у остяковъ, такъ какъ изъ тундры они возвращаются уже поздно осенью, когда трава засыхаетъ; на эти „тогары“ кладутъ оленьи шкуры, которые служатъ для зырянъ постелями и одеялами; въ зимнее же время кочевники закрываются овчинными одеялами, сшитыми въ видѣ мѣшка. Такіе одеяла-мѣшки очень практичны: теплы и не допускаютъ вѣтра. Поставивъ чумъ, женщины начинаютъ готовить пищу. Послѣ ужина всѣ мужчины, снявъ съ себя верхнюю одежду и пины, засыпаютъ. Въ это время женщины должны прибрать свѣтлую одежду, развесить ее сушить, переменить новые стельки въ пимахъ. Засыная позже всѣхъ, зырянка встаетъ очень рано, гораздо раньше мужиковъ, которые встаютъ уже къ готовому чаю. Поѣвши, мужики отправляются загонять и запрягать оленей; въ это время жена должна снять чумъ, уложить его и распречь свой „аргишъ“. На женщинъ, кромѣ этихъ домашнихъ работъ, лежать и другія; она шьетъ и починаетъ шатье, водится съ ребятами, ѣздитъ въ лѣсъ за дровами и т. д.

Одежда зырянъ-олесеводовъ во время кочевокъ ни чѣмъ не отличается отъ самоѣдовъ или остяковъ. Вся разница въ томъ, что у первыхъ есть нѣсколько рубахъ изъ холста и ситцу, которыми они нрѣдка переменяютъ, чего не дѣлаетъ ни одинъ порядочный остякъ. Верхнюю одежду зырянина составляетъ туфъ или малица, смотря по времени года; на ноги онъ надѣваетъ зимой „кисы“ — родъ шимовъ, съ длинными голенищами, сдѣланныхъ изъ оленьихъ ланокъ, а лѣтомъ „кисы“ замѣняютъ „линты“ — тоже изъ оленьихъ ланокъ, но магне, нѣжибе и легче; „кисовъ“ и „линты“ напоминаютъ собою чулки и зимою ихъ надѣваютъ подъ „кисы“. Чтобы придать „линтамъ“ большую прочность и непромокаемость, ихъ кладутъ въ смолную воду; просмоленные „линты“ зовутся уже „тобогъ“ и цѣ-

пятся довольно дорого. Хорошіе „тобогъ“ можно купить не дешевле 4—5 р. Въ „кисы“ и „линты“ кладется стелька; перемѣняется ежедневно. Стелька дѣлается изъ сухой полевой травы, очень похожей на мелкое мочало. Зырянки эту траву запасаютъ лѣтомъ и осенью и очень ее берегутъ. По одеждѣ трудно отличить мужчину отъ женщины. Зыряне, не далеко еще ушедшіе по своему развитію отъ инородцевъ, любятъ пестрые яркіе цвѣта и украшаютъ свои одежды яркими цвѣтными лоскутками.

Все благосостояніе и богатство зырянина заключается въ его стадахъ. Будутъ живы олени у зырянина—будетъ хлѣбъ, табакъ, водка и т. п. необходимыя для него предметы. Человѣкъ, имѣющій 30—40 оленей, можетъ кормить свою семью, а имѣющій двѣ-три сотни головъ почитается богатымъ. Олень доставляетъ пищу и предметъ торговли. И не мудрено, что зырянинъ, дорожа здорьевемъ и благосостояніемъ своихъ оленей, ставитъ свою личную жизнь въ полную зависимость отъ стада, идя туда, куда хочет олень: зимой, направляясь въ лѣса, а лѣтомъ въ тундру, ближе къ Ледовитому океану.

Наряду съ этимъ сознаемъ своей зависимости отъ стада, замѣчается и выдѣляется звѣрское обращеніе оленевода со своимъ кормильцемъ. Въ припадкѣ гнѣва, зырянинъ немилосердно бьетъ оленя чѣмъ попало, топчетъ и пинаетъ ногами, травитъ собаками, которыя впиваются своими острыми зубами въ ноги оленя и рвутъ съ нихъ кожу, нерѣдко даже самъ зырянинъ кидается на оленя и въ изступленіи кусаетъ морду оленя. Особенно безчеловѣчно они поступаютъ съ оленями, предназначенными для убоа. Въ теченіе двухъ—трехъ дней до операциіи, онъ не даетъ оленямъ ѣсть, моря голодомъ, отчего послѣ убоа кожа дѣлается эластичнѣе и мясо не такъ сильно отдаетъ мохомъ. Небольшихъ же оленей, зырянинъ,

положивъ на землю, топчетъ ногами и прекращаетъ это тогда, когда переломается у несчастнаго телянка ребра; въ такомъ положеніи оленевода держать на нартѣ оленя день, а иногда два, и закалываетъ его тогда, когда онъ готовъ уже издохнуть отъ нанесенныхъ увѣчій.

Не менѣе жестокъ оленевода и съ собаками, которыя также дороги для него и безъ которыхъ онъ не въ состояніи сдержатъ ни одного оленя. Избивъ до полусмерти собаку, оленевода садитъ ее на нарту, начинаетъ лѣчить и надѣяться усерднѣе, чѣмъ со своимъ ребенкомъ.

Пищу зырянъ составляетъ главнымъ образомъ мясо, свѣжее, соевое и протутое, которое они запасаютъ на лѣто. Лѣтомъ, во время кочевокъ по берегамъ рѣкъ, они ловятъ рыбу, сушатъ и солятъ ее. Такъ какъ соли у зырянина немного, то рыбу солать кое-какъ и къ зимѣ она начинаетъ издавать тухлый запахъ. Эта съ запахомъ рыба у нихъ предпочитается свѣжей. Свѣжее мясо добываютъ, убивъ оленя, или идуть на охоту, но за рѣдкимъ исключеніемъ всѣ оленеводы плохіе охотники и очень немногіе умѣютъ стрѣлять въ лѣть. Отправляясь на зимовку, зыряне пекутъ маленькіе хлѣбцы, которые и берутъ съ собою; кромѣ того запасаютъ ржаныхъ сухарей. Масло зыряне очень любятъ и рѣдкое кушанье обходятся безъ него. Нѣкоторые питаются оленьимъ молокомъ, но рѣдко: оно невкусно, нежирно и сильно пахнетъ мохомъ.

Всего болѣе зырянинъ любитъ водку; за рюмкой водки онъ ѣдетъ десятки верстъ. Скупой и расчетливый въ обыденной жизни, за водку зырянинъ готовъ отдать все, что угодно. Во время кочевки, ему рѣдко приходится выпить и если зыряне узнаютъ отъ встрѣчныхъ оленеводовъ, что за сто, деваносто верстъ находится торговецъ, у котораго есть запасъ водки, то они сейчасъ же от-

правляются туда на легкой нартѣ и отводятъ души въ вышнѣе.
Зыряне отличаются большою нравственностію. Преступленія
противъ брака, измѣна жены или мужа — рѣдкое явленіе среди нихъ,
а у оленеводовъ — неслыханное дѣло.

Всѣ молодые мужчины до брака не знаютъ женщины. Же-
нятся всѣ въ молодыхъ годахъ. Этимъ объясняется и то, что у
каждаго зыряннина много дѣтей, воспитаніе которыхъ не отнимаетъ
у матерей много времени и хлопотъ. Отцы не обращаютъ на ре-
бятишекъ никакого вниманія. Съ пеленокъ ребятишки приучаются
къ холоду и непогодѣ. До году или двухъ, ребенокъ ѣздитъ вмѣ-
стѣ съ матерью на одной нартѣ, когда же въ состояніи бываетъ
ходить, то его сажаютъ на другую нарту, чтобъ не мѣшала и ради
развлеченія даютъ въ руки возжу. Шестилѣтнему ребенку вручаютъ
уже небольшой „аргишъ“, состоящій изъ пары оленей. Не про-
ходитъ и года, какъ мальчуганъ управляетъ уже тремя — четырьмя
парами.

Самой любимой и веселой для зырянскихъ ребятъ игрою яв-
ляется игра въ „кинжанъ“, — такъ зовется арканъ, сдѣланный изъ
тонкой сыромятной кожи, съ которымъ зырянинъ никогда не раз-
лучается. Игра арканомъ состоитъ въ томъ, что одинъ или нѣ-
сколько мальчугановъ изображаютъ изъ себя бѣгущихъ оленей, а
другіе ловятъ ихъ „кинжаномъ“. Игра разнообразится иногда тѣмъ,
что тѣмъ же кинжаномъ ловятъ собакъ. Даже самыя маленькіе
изъ ребятишекъ дѣйствуютъ хорошо арканомъ, очень ловко наки-
дывая его на противника. Эта игра для зырянъ имѣетъ большое
практическое значеніе, приучая съ малыхъ лѣтъ владѣть арканомъ —
необходимой вещью каждаго кочевника.

А. Кр—въ.

(До слѣдующ. №-ра.)

НАВСТРѢЧУ НАНСОНА.

(Эккурсія на Югорскій Шаръ.)

Продолженіе.

Двинувшись далѣе 17-го мая, караванъ Тронтхейма пошелъ довольно быстро, такъ какъ зыряне старались скорѣе пройти мѣсто, гдѣ, нѣсколько лѣтъ назадъ, пало цѣлое стадо оленей. Такія мѣста всѣ оленеводы хорошо знаютъ и стараются ихъ обойти: они, во-первыхъ, наводятъ на нихъ страхъ, а главное оленя на нихъ очень легко могутъ заразиться. Находя кости своихъ собратьевъ, олени грызутъ ихъ и получаютъ заразу. Не дай Богъ, если стадо постигнетъ это несчастіе: болѣзнь быстро переходитъ отъ одного оленя къ другому, и въ одинъ день уноситъ десятки головъ.

Болѣзнь эта вообще похожа на чуму. Въ началѣ нѣтъ никакихъ наружныхъ признаковъ, кромѣ тоски животнаго, послѣ которой черезъ нѣсколько часовъ у него начинается опухоль головы, которая переходитъ въ туловище и олень издыхаетъ; болѣзнь обыкновенно продолжается не болѣе дня. Ни зыряне ни самоѣды не знаютъ никакихъ мѣръ противъ этой эпизоотіи. Чтобы остановить или уменьшить приносимое ею зло, оленеводы раздѣляютъ стадо на нѣсколько отрядовъ и гоняютъ ихъ въ разные стороны, оставляя на мѣстѣ зараженныхъ. За послѣдніи двадцать лѣтъ многіе зыряне, владѣвшіе стадами въ сотня головъ, въ теченіе одной недѣли, лишились всего состоянія и едва выбрались изъ тундры. Ихъ и сейчасъ можно видѣть поселившимися преимущественно въ с. Мужахъ, гдѣ они занимаются рыболовствомъ

или идутъ въ работники къ русскимъ кушамъ. Въ с. Мужахъ зыряне живутъ вообще очень бѣдно.

Въ тотъ же день караванъ прошелъ мимо двухъ самоѣдскихъ могилъ. Могилы выкопаны въ землѣ и надъ ними навалены небольшіе курганы; видимо, что похоронены самоѣды-христиане. Но ранѣе Тронтхейму, во время путешествія его съ Югорскаго Шара въ Березовъ, вмѣстѣ съ сѣромъ Моріеромъ, приходилось видѣть самоѣдскія могилы совершенно иного типа. На томъ мѣстѣ, гдѣ умираеть самоѣдъ, вбиваютъ четыре жерди, къ которымъ прибиваютъ, аршина на подтора отъ земли, перекладины, а на эти послѣднія ставятъ подобіе ящика, сколоченнаго изъ досокъ, куда и кладутъ трупъ; у самоѣдовъ, кочующихъ по берегамъ большихъ рѣкъ, ящикъ замѣняется расколотымъ „обласкомъ“ (небольшая лодка-однодеревка). Трупъ такимъ образомъ находится какъ бы на воздухѣ. Съ умершимъ кладутъ вещи и др. путевыя принадлежности. По словамъ самихъ самоѣдовъ, такъ хоронятъ только тѣхъ, которые не были христианами, а если и были, то все-таки не переставали „шаманить“ и болѣе держались религіи своихъ дѣдовъ, чѣмъ христианства.

Чѣмъ далѣе шель караванъ, тѣмъ запасъ дровъ становился меньше и меньше; приходилось набирать мелкій кустарникъ и, подложивъ подъ него нѣсколько сухихъ полѣнъ, бывшихъ въ запасѣ, разводилъ костеръ; на немъ съ трудомъ можно было скипятить воду и приготовить пищу. Погода въ теченіе всего мая стояла плохая: было очень сыро; туманъ стоялъ съ утра до 11—12 часовъ. За все время пребыванія Тронтхейма за Ураломъ выдалось только два-три хорошихъ дня. По увѣренію зыряне, погода въ этой мѣстности весною и лѣтомъ рѣдко бываетъ лучше.

Въ мѣстности этой много болотъ, или скорѣе всѣ низмен-

ности представляють одно сплошное болото. Мѣстами присутствие его было очень ощутительно, приходилось идти на четверть въ водѣ: такъ 24-го мая весь день брели по водѣ, боясь, что собаки простудятся. 25-го мая былъ сильный вѣтеръ NO. Ночью былъ сильный морозъ, такъ что замерзло два молодыхъ оленя, да кромѣ того три такихъ же оленя были позижены изъ стада волками. На слѣдующій день морозъ увеличился: снѣгъ, подъ копытами оленей, уже не проваливался. Утромъ караванъ достигъ небольшой рѣчки, впадающей въ Каратайку; названія рѣчки зыряне не знали, но она была очень быстра, почему и пришлось искать удобнаго перехода, который найденъ былъ только къ вечеру. На слѣдующее утро, при помощи жердей, снятыхъ съ чума и досокъ, тутъ устроенъ былъ мостъ, по которому караванъ и перешелъ на другой берегъ благополучно. Это было недалеко отъ верховьевъ Каратайки.

Слѣдуя далѣе, Тронтьхеймъ вскорѣ встрѣтилъ нѣсколькихъ самоѣдовъ, кочевавшихъ въ этой мѣстности. Разсказывая о своей кочевкѣ прошлаго лѣта по рѣкѣ Каратайкѣ, самоѣды сообщили ему, что на устьѣ Каратайки, верстахъ въ 40 отъ Карскаго моря, въ срединѣ прошлаго лѣта, погибъ и обохъ неизвѣстно какъ зашедшій въ рѣку китъ, имѣющій въ длину сажень до десяти. Самоѣды никогда не видали такого чудовища. Они топоромъ отрубили у него хвостъ, нашли много жира, но не знали, что дѣлать съ нимъ далѣе. Къ концу лѣта грушъ начали разлагаться и покрываться червями. Киты вообще весьма рѣдко заходятъ въ Карское море, а потому самоѣды и не умѣютъ извлекать изъ нихъ выгоду.

28-го мая, чтобы впоисъ перейти верховья р. Варкуты, пришлось всю ночь, пользуясь холодами, устраивать черезъ рѣчку

мостъ изъ жердей и льдинъ. Людямъ приходилось мерзнуть, такъ какъ костеръ разводили не надолго, чтобы сварить только кашу и просушить хотя нѣсколько одежды. Кустарники для топлива можно было находить съ большимъ трудомъ.

Переправившись черезъ верховья Варкуты, караванъ 2-го июня дошелъ до Балбинскаго озера, одного изъ самыхъ большихъ и глубокихъ въ тундрѣ. Несмотря на июнь мѣсяцъ, на немъ былъ еще довольно крѣпкій ледъ, по которому караванъ осторожно перешелъ на другую сторону. Изъ Балбинскаго озера течетъ двѣ рѣчки—Сыльва, впадающая въ Усву и Кара, оканчивающаяся въ Карскомъ морѣ. По разсказу одного самоѣда, встрѣтившагося Тронтьхейму за Балбинскимъ озеромъ, съ р. Печоры можно безъ труда попадать рѣчками въ Карское море: рр. Усву и Кару въ одномъ мѣстѣ раздѣляетъ волокъ не болѣе 15—18 сажень. Этимъ путемъ иногда и пользуются самоѣды при рыболовствѣ, во время кочевокъ. По словамъ того же самоѣда, отъ Балбинскаго озера до Кары 80 в. и до моря 40 верстъ. Впереди, на 50—70 верствъ, уже трудно было ожидать, чтобы встрѣтился въ изобиліи мохъ для оленей, почему весь день 3-го июня караванъ стоялъ у подошвы высокой горы. Воспользовавшись этой остановкою, зыряне исправляли нарты и другія дорожныя принадлежности; Тронтьхеймъ же пошелъ на охоту. Отправившись далѣе, караванъ болѣе сутокъ шелъ мѣстностью, въ которой отсутствовалъ мохъ; послѣдній нашли въ изобиліи только 5-го июня. Въ этотъ же день они встрѣтились съ однимъ торгующимъ зырянниномъ-оленеводомъ, у котораго купили двѣ бутылки вина по 70 к. за бутылку. Встрѣча, по обыкновенію, носила очень дружелюбный характеръ и закончилась обоюднымъ угощеніемъ. Въ тундрѣ вообще видно простымъ глазомъ на очень боль-

пше разстояніе, и зоркіе глаза зырянина за десятокъ верстъ различаютъ другое стадо или дымокъ изъ чума, свидѣтельствующій о жителяхъ. Поэтому ни одинъ кочевникъ, замѣтивъ за десяти-двадцать верстъ присутствіе другого человѣка, не пропуститъ случая побывать у него въ стану, и поговорить, и угоститься чаемъ, а тѣмъ болѣе водкой.

На другой день встрѣчи, 6-го іюня, въ станъ прѣхало на четырехъ нартахъ нѣсколько человѣкъ самоѣдовъ, узнавшихъ о пребываніи каравана. Самоѣдовъ угостили чаемъ. Разговоръ, происходившій по-самоѣдски, касался здоровья оленей, пройденнаго пути, дороги къ Югорскому Шару. Когда всѣ немногочисленные новости тундры были исчерпаны, самоѣды отправились обратно.

Къ этому дню истощился почти весь запасъ сухихъ дровъ; кустарниковъ же совсѣмъ не было. Чтобы сварить себѣ и собакамъ пищу, работникъ Тронтхейма въ теченіе всей почти сътрудомъ набралъ нарту горячаго матеріала. Въ слѣдующіе же дни собакамъ давали сухую пищу, разводя востеръ лишь для котелка. Вдали видны уже были отроги Малаго Урала, до которыхъ караванъ шелъ болѣе трехъ дней. Этотъ путь былъ затруднительнымъ: не было топлива и мохъ попадался очень рѣдко; оленей кой-какъ прокармливали прошлогодней травой, росшей также не особенно въ большомъ количествѣ. На пути встрѣчалось много рѣчекъ и озеръ, ледъ на которыхъ еще не сталъ, а потому и можно было переходить черезъ нихъ безопасно.

Добравъ до Малаго Урала, караванъ старался идти по долинамъ между горъ, гдѣ былъ еще глубокой снѣгъ. Охота въ горахъ была очень хорошая и въ ней принимали участіе и зыряне. Особенно много было утокъ и гусей. Небезинтересна охота зыряна на послѣднихъ. Гуси для своихъ гнѣздъ выбираютъ гору,

которая имѣетъ двѣ-три террасы (выступа). На верхнихъ террасахъ, въ разблѣнахъ камней, вьютъ себѣ гнѣзда совы, а на нижнихъ, подъ прикрытіемъ этихъ птицъ, устраиваетъ себѣ жилища и гуси. Сова является хранительницей и оберегательницей яицъ и птенцовъ въ гнѣздахъ. Лисица, заяцъ и др. небольшіе звѣрки, любящіе полакомиться гусиными яйцами и маленькими гусятами, видя надъ гнѣздомъ ярагоу непобѣдимаго врага-сову, не рѣшаются тревожить жилище гусей. Гнѣзда свои гуси располагаютъ вдоль террасы, и всегда можно бываетъ найти на одномъ выступѣ до десятка и болѣе гнѣздъ. Зыряне, взобравшись на скалу, вынимаютъ изъ гнѣздъ яйца, оставляя въ нихъ не болѣе двухъ, поднимаютъ съ камня гнѣздо и ставятъ подъ нимъ капканъ, прикрытый пухомъ и травой. Гусиха прилетаетъ въ гнѣздо, садится и попадаетъ ногами въ капканъ, гусь начинаетъ кружиться надъ нею и его убиваютъ изъ ружья. Кромѣ этого практикуется еще и другой способъ: вынуть изъ гнѣзда яйца, зырянинъ немного повыше гнѣзда вбиваетъ колышекъ, къ которому привязываетъ арканъ, и дѣлаетъ на немъ петлю, подходящую какъ разъ у гнѣзда; прикрывъ травой и пухомъ петлю, кладетъ ее на гнѣздо, спутивъ конецъ аркана на землю. Когда гусь съедетъ въ гнѣздо, охотникъ быстро затягиваетъ петлю и—добыча готова. Ежедневно такимъ способомъ добывалось нѣсколько десятковъ гусей и до сотни яицъ. Гусей зыряне ѣли сами, остатки же продавали Тронтхейму для собакъ; гусь стоилъ 10 коп., а яйцо 1 коп.

Начиная съ начала іюня почти до 16-го числа, караванъ не встрѣчалъ обильнаго корму для оленей; приходилось довольствоваться не многимъ. Между тѣмъ время шло быстро, для Тронтхейма скоро долженъ былъ наступить срокъ явки на Югорскій Шаръ, а потому приходилось идти ускоренно, что, при болѣе чѣмъ 40

нартахъ и 450 оленяхъ, не считая телатъ, дѣлать было трудно. Приходилось разбить караванъ на двое, оставить женъ, дѣтей и весь домашній скотъ и двинуться налегкѣ, захвативъ лишь пищу. Сдѣлать это раздѣленіе можно было лишь въ мѣстности, въ которой былъ мохъ въ количествѣ, могущемъ дать пищу для оленей на одинъ мѣсяцъ. Такое мѣсто и было встрѣчено 16-го іюня. Въ этотъ день весь караванъ раздѣлился: на мѣстѣ осталось 30 нарты чумъ и т. п., а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ женщины и дѣти, которыя должны были кочевать здѣсь и черезъ двѣ-три недѣли придти на то же мѣсто; мужчины же зыряне, вмѣстѣ съ Тронтхеймомъ, взявъ десять нарты, отправились далѣе.

Первую ночь по отдѣленіи каравана, Тронтхейму и его спутникамъ пришлось проводить уже безъ чума, подъ открытымъ небомъ; для ночлега выбрано было подножіе одной каменной горы. Дровъ не было и, чтобы сварить чай, путешественники изломали и сожгли старую нарту. Прикрытіемъ на ночь отъ непогоды служили нарты. Весь слѣдующій день пришлось идти по голому камню; среди горъ рѣдко можно было встрѣтить мохъ.

19-го іюня караванъ достигъ небольшого озера, черезъ которое еще можно было перебраться по льду. Въ этотъ день для собакъ и себя пришлось заколотъ перваго оленя. Слѣдующіе три-четыре дня погода стояла теплая, и шелъ сильный дождь.

Утромъ 24-го іюня, г. Тронтхеймомъ было сдѣлано маленькое открытіе: по компасу оказалось, что караванъ сильно уклонился къ сѣверу, между тѣмъ какъ нужно было держаться сѣверо-восточнаго направленія и пути между Каратайкой и Карой. Чтобы совершенно не сбиться съ пути, на легкихъ нартахъ былъ посланъ для осмотра дороги работникъ, встрѣтившій верстахъ въ пяти-шести чиновника Архангельской губерніи, ѣздившаго для разбора са-

моѣдскихъ дѣлъ, который сказалъ, что отъ Кары всего 40 в. Въ этотъ день Тронтхеймомъ и спутниками убито 18 гусей.

Когда возвратился развѣдчикъ, караванъ пошелъ на сѣверо-востокъ, державъ этотъ курсъ весь день. Чѣмъ далѣе, тѣмъ ѣхать становилось труднѣе: снѣгу было мало, мѣстами же была голая земля или камень.

27-го іюня, чтобы обозрѣть окрестности, путешественники на двухъ легкихъ нартахъ поднялись на высокую гору, съ вершины которой увидѣли на сѣверѣ открытое море. Какъ Тронтхеймъ, такъ и зыряне были очень довольны скорымъ окончаніемъ пути.

Направляясь далѣе, караванъ въ этотъ же день дошелъ до р. Оя (самоѣдское названіе). По другую ея сторону, стояло три самоѣдскихъ чума. Расположившись станомъ по эту сторону Ои, Тронтхеймъ переѣхалъ въ небольшой лодочкѣ къ самоѣдамъ, чтобы разспросить ихъ про дальнѣйшій путь до Хабарова. Изъ разказовъ выяснилось, что до Хабарова осталось очень немного и, чтобы дойти туда, необходимо перебраться черезъ Ою, что караваномъ и было сдѣлано.

Отправившись на слѣдующій день въ путь, караванъ скоро увидѣлъ небольшую церковь и нѣсколько чумовъ. Это оказалось Сибиряковское селеніе, отстоящее отъ Хабарова въ 5-ти верстахъ. Въ полночь 28-го іюня караванъ прибылъ и къ горѣ Хабарова. Зыряне на другой же день были расчисланы и отпущены. По распросамъ оказалось, что въ Югорскій Шаръ никакого парохода и судна нынѣ еще не заходило.

А. Кр—въ.

(До слѣдующ. №-ра.)

Изъ когда-то обвиняемаго я превратился наконецъ, и самъ въ обвинителя. Такая дѣятельность зачастую сталкивала меня съ различными обывателями тюремъ и той безконечной шеренгой Непомнящихъ, которыми такъ обильна матушка Сибирь...

Во время проѣзда по дѣламъ службы по Е... ой губерніи, мнѣ пришлось долго ждать перемены лошадей. Боясь завестать къ мѣсту назначенія, я потребовалъ къ себѣ хозяина, чтобы задать ему головомойку. Предо мной предсталъ, опираясь на палку, дряхлый старикъ. Почтенный видъ его почему-то остановилъ мои намеренія о „распеканціи“ и каково же было мое удивленіе, когда въ этомъ старикѣ я узналъ моего стараго знакомаго Василия Непомнящаго. Мы пріятельски обнялись. Василій подробно разсказалъ свою послѣднюю исторію жизни.

Оказалось, что послѣ освобожденія Василій поступилъ въ работники къ одному повоселу. Вскорѣ повосель умеръ, оставивъ двухъ сыновей—юношей. Предъ смертью повосель упросилъ Василья замѣнить сыновьямъ отца. И, вотъ, тогда Василій зажилъ на славу. Уваженіе односельчанъ къ „дѣдушкѣ—Василью“, заботливость и полная покорность дѣтей и достаточное сельское хозяйство были послѣднимъ украшеніемъ въ жизни много вытерпѣвшаго Непомнящаго.

Я. Я.

НАВСТРѢЧУ НАНСОНА.

(Эккурсія на Югорскій Шаръ.)

Окочаніе.

Тронтьеймъ для своей кочевки съ собаками избралъ сухое возвышенное мѣсто между моремъ и селеніемъ. Для ухода за со-

баками былъ нанятъ самоѣдь. У самоѣдовъ и рыбаковъ Тронтьеймъ купилъ 30 п. мяса, 15 п. рыбы, начинавшей уже портиться, нѣсколько пудовъ тюленьяго мяса и муки, за которую заплатилъ 2 р. 50 к. за пудъ. Дровами за небольшую плату снабдилъ Тронтьейма трапезникъ Сибиряковской церкви, знакомый путешественнику. Въ это время весь берегъ Югорскаго Шара и море на необозримое пространство было покрыто льдомъ, напесеннымъ сюда сѣверными вѣтрами. Только къ 10-му іюля море очистилось совершенно. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, Тронтьеймъ съ самоѣдами, на маленькихъ лодочкахъ «обласкахъ», ѣздилъ на островъ Вайгачъ, находящійся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ берега. На Вайгачъ ѣздили охотиться. На немъ кочуютъ лѣтомъ нѣсколько семей самоѣдовъ, которые обыкновенно вѣтятся на южномъ и юго-западномъ берегу острова, но въ это время, пользуясь хорошей погодой, перекочевали на сѣверъ, въ глубь острова, такъ что охотники не нашли ни одного чума.

Возвратившись съ Вайгача, Тронтьеймъ, на самомъ высокомъ пунктѣ берега, на двухъ жердяхъ натянулъ красный флагъ съ бѣлою надписью Fram, у своего же шалаша повѣсилъ норвежскій національный флагъ, сшитый имъ самимъ.

Въ ожиданіи прихода парохода Fram, Тронтьеймъ короталъ время въ охотѣ и уходѣ за своими собаками, которыя находились въ прекрасномъ состояніи. Нерѣдко Тронтьеймъ бывалъ и въ Сибиряковскомъ селеніи, которое является сборнымъ пунктомъ для окрестныхъ самоѣдовъ, собирающихся сюда въ значительномъ числѣ, чтобы сдать свои товары. Невеселую картину приходится видѣть въ этомъ маленькомъ, заброшенномъ на край свѣта селеніи. Сюда ежегодно лѣтомъ, въ большинствѣ случаевъ, изъ Пустоозерска пріѣзжаютъ 2—3 приказчика или торгующіе

крестьяне-кулаки для того, чтобы скупить у приѣзжающихъ самоѣдовъ и частью зырянъ медвѣжьи шкуры, нерычье сало и кожу, оленьи шкуры и т. п. товары. Торговля идетъ мѣновая на чай, сахаръ, муку, домашнюю утварь и т. п. Ни одна купля и продажа не обходится безъ водки, до которой самоѣды большіе охотники. Подновивъ бѣднаго дикаря, кулакъ безпрятственно обираетъ его, покувая у него все за безцѣнокъ. Въ концѣ сдѣлки оказывается, что самоѣдъ остается должнымъ своему благодѣтелю. Водкой торгуютъ всѣ приѣзжающіе въ селеніе торговцы, и потому все лѣто здѣсь происходитъ страшное пьянство. Какъ великъ расходъ на вино, можно судить потому, что винными боченками уставленъ цѣлый амбаръ. Никакого назора за торговлею здѣсь нѣтъ, да трудно его и организовать. Зимой, когда установится санный путь, изъ Сибиряковского селенія отправляются на оленяхъ караваны съ товарами, купленными у самоѣдовъ и пустыми винными боченками.

18 (30) іюля Тронтхеймъ съ берега увидѣлъ сначала дымъ, за которымъ вскорѣ показался пароходъ. Не было никакого сомнѣнія, что это давно ожидаемый Fram. Тронтхеймъ на маленькой самоѣдской лодочкѣ поѣхалъ навстрѣчу и подплывъ къ пароходу, закричалъ по-русски, чтобы его взяли на палубу. Съ парохода спросили, кто онъ и когда онъ назвалъ свое имя, его приняли на палубу. Здѣсь его встрѣтилъ невысокій энергичный человекъ, одѣтый въ замасленную рабочую куртку, принятый Тронтхеймомъ за масленщика, или помощника капитана. Человекъ этотъ оказался начальникомъ экспедиціи Нансэномъ. Онъ радушно встрѣтилъ Тронтхейма, разспросилъ о путешествіи и сейчасъ же поѣхалъ на берегъ осмотрѣть собакъ. Нансэнь совѣмъ еще молодой человекъ, невысокаго роста. Каждое его движеніе и сло-

во говорить о энергіи, силѣ воли и стойкости. Его обращеніе съ подчиненными матросами, подобранными молодецъ къ молодцу, отличается душевностію и любовью. Повидимому это одна семья, соединенная одной идеею, страстно стремящаяся къ ея осуществленію. Весь тяжелый, черныи трудъ раздѣленъ между экипажемъ по ровну и тутъ уже нѣтъ различія между простымъ рабочимъ-матросомъ, капитаномъ и самимъ начальникомъ экспедиціи, подающимъ всегда и во всемъ примѣръ. Въ общей работѣ участвуетъ и докторъ. И этотъ общій трудъ, это отсутствіе ранговъ является связующимъ звеномъ всего экипажа.

Такія отношенія между экипажемъ произвели на Тронтхейма очень благопріятное впечатлѣніе. Эти отношенія другъ къ другу всего болѣе даютъ надежду, что въ трудную минуту путешествія экипажъ съумѣетъ постоять за себя.

На другой день Нансэнь отправился на паровой шлюпкѣ въ открытое море верстъ за 50, чтобы нѣсколько извѣдать, нѣтъ ли далѣе льда, а также побывать и поохотиться на Сокольныхъ островахъ. Въ морѣ и на островахъ Нансэнь пробылъ цѣлый день, возвратившись поздно вечеромъ. Охота оказалась превосходной и Нансэнь привезъ съ собою до 70 штукъ убитыхъ утокъ.

Fram остался ждать небольшую шхуну „Уранія фонъ-Бергенъ“, которая должна была доставить на судно запасъ каменнаго угля.

20-го іюля съ парохода къ берегу пришла паровая шлюпка, чтобы взять свѣжей прѣсной воды для котловъ изъ рѣчки Някольской. Пока брали воду, Нансэнь съ Тронтхеймомъ отправились вдоль берега искать окаменѣлыхъ раковинъ, которыхъ попадалось очень много; собирали и породы болѣе рѣдкихъ камней и т. п.

А. Н. Тронштейнъ бывалъ на Fram'ѣ ежедневно, обѣдая и завтракая тамъ. По его словамъ, судно прекрасно устроено и ни въ чемъ не нуждается. Каюты обширны и устроены съ комфортомъ. Прекрасная библиотека, снабженная лучшими произведениями европейской классической литературы, различные музыкальные инструменты отъ прекраснаго концертнаго рояля до флейты и гитары, шахматы, шашки и т. п. развлечения—все къ услугамъ экипажа. Техника судна—не оставляетъ желать лучшаго; оно какъ нельзя болѣе приспособлено къ плаванію между льдами. Экипажъ состоитъ изъ тринадцати человѣкъ; составляютъ его все люди, неоднократно плававшіе въ полярныхъ водахъ и бывшіе не простыми матросами; при Нансѣнѣ находится также и докторъ. Fram снабженъ провизіей на пять лѣтъ, но ее хватитъ болѣе чѣмъ на шесть. Мясо консервировано и герметически закупорено въ стеклянныя банки; въ такихъ же банкахъ находятся различные бульоны и т. п.; сдѣлавъ большой запасъ жировыхъ веществъ, нѣсколько тысячъ бутылокъ пива и еда довершаютъ запасы. Вина на суднѣ нѣтъ. Только въ антекѣ находится десятка два-три бутылокъ хорошаго коньяку, весь спиртъ, запасенный на всякій случай отравленъ. По мнѣнію Нансѣна, употребленіе вина на крайнемъ сѣверѣ вредно и оно, взятое въ такую трудную и опасную экспедицію, можетъ сослужить очень печальную службу, а потому онъ нашелъ лучше замѣнить вино фруктами и различными сладостями, запасъ которыхъ на пароходѣ довольно великъ. Освѣщается Framъ электричествомъ. Большую часть дня во время стоянки экипажъ проводитъ вмѣстѣ. При общности труда, всѣ обязанности каждаго члена экипажа распределены точно до мельчайшихъ подробностей. Завтракаютъ и обѣдаютъ всѣ вмѣстѣ, исключая исполняющаго обязанности повара, прислуживая другъ другу. Здоровье и

веселье видно на всѣхъ лицахъ. Непокоримая увѣренность главы экспедиціи Нансѣна въ благополучномъ и счастливомъ исходѣ экспедиціи вселяетъ бодрость и увѣренность во всеиъ экипажѣ.

22-го іюля (3 августа) на Fram'ѣ перегружали изъ трюма уголь въ кочегарскую. Въ этой работѣ участвовали всѣ во главѣ съ самимъ Нансѣномъ; даже докторъ, одѣвъ фартукъ, работалъ не хуже другихъ, таская мѣшки съ углемъ. Работа шла дружно, весело.

Въ этотъ же день, Нансѣнъ со своими спутниками пробовалъ на берегу собакъ, для чего запрягали въ нарту 8 штукъ и сѣлись по три человѣка. Нансѣнъ остался очень доволенъ собаками, благодарилъ Тронштейма за умѣлый выборъ и прекрасное состояніе, въ которомъ находились собаки.

Въ виду того, что г. Тронштейнъ ранѣе посылалъ телеграмму, предлагая свои услуги въ качествѣ матроса на Fram, Нансѣнъ приглашалъ его отправиться вмѣстѣ къ полюсу, давая мѣсячную плату по 70 руб. въ теченіе трехъ лѣтъ. Но на это предложеніе Тронштейнъ отказался, такъ какъ у него не были устроены свои дѣла въ Тобольскѣ.

Когда собаки были приняты и переведены на судно, Тронштейнъ обратился къ Нансѣну съ просьбою дать ему удостовѣреніе въ точномъ и добросовѣстномъ исполненіи даннаго ему порученія. Нансѣнъ на это отвѣтилъ: „О, нѣтъ, удостовѣренія и аттестата мало! Вы выполнили условіе весьма добросовѣстно и тѣмъ оказали экспедиціи большую услугу. Я имѣю порученіе передать вамъ золотую медаль, пожалованную вамъ нашимъ королежъ за ту немалую помощь, какую вы вызвались оказать“. При этихъ словахъ Нансѣнъ передалъ г. Тронштейму большую съ короной золотую медаль. На лицевой сторонѣ медали находится слѣдующая надпись: Oskar II Norges og Sveriges Konge. Broderfolkenes vel; а на другой

сторонѣ: Belønning for fortjenstlig virksomhed. A. I. Trotheim. Вручивъ медаль, Нансенъ далъ Тронтьейму на нѣмецкомъ языкѣ аттестатъ слѣдующаго содержания: „Въ январѣ нынѣшняго года Александру Ивановичу Тронтьейму господиномъ барономъ Э. фонъ-Толль было дано порученіе, для моей экспедиціи въ полярныя страны, купить 30 отборныхъ собакъ (для саней) и привести ихъ сюда въ Хабарово. Это порученіе онъ исполнилъ, къ моему полнѣйшему удовольствію; при этомъ онъ выказалъ рѣдкую аккуратность и разсмотрительность; и мнѣ доставляло удовольствіе видѣть точность и порядокъ, въ которомъ онъ велъ свои отчеты. Онъ производитъ очень хорошее впечатлѣніе, и я могу его рекомендовать въ высшей степени (какъ нельзя лучше). За старательное исполненіе даннаго порученія и за услугу, которую онъ этимъ оказалъ экспедиціи, онъ сегодня получалъ золотую медаль за заслуги Его Высочества Оскара II, короля Норвегіи и Швеціи. Хабарово, 3 августа 1893 г. Ф. Нансенъ.“

Въ этотъ же день ночью Нансенъ рѣшилъ отправиться въ дальнѣйшій путь, не дожидаясь „Ураніи“, которая, по его предположеніямъ, была задержана льдами. Тронтьеймъ подвѣчеръ простился со всѣмъ экипажемъ, пожелавъ достигнуть цѣли. Вмѣстѣ съ нимъ, на берегъ съ Фрамъ'а вышелъ и секретарь одной изъ передовыхъ лондонскихъ газетъ г. Оли-Христофорсонъ, сопровождавшій Нансена изъ Вардѣ. При прощаніи Нансенъ оставилъ сошедшимъ съ судна обильный запасъ провизіи, такъ какъ Христофорсонъ и Тронтьейму приходилось ждать „Уранію“ и на ней возвратиться обратно. Оли-Христофорсонъ получилъ 79 депешъ во всѣ части свѣта, которыя должны были отправить изъ Вардѣ. Стоявшая хорошая погода къ вечеру этого дня начала измѣняться, подулъ сильный вѣтеръ, перешедшій къ ночи въ боль-

шую бурю. Ровно въ 12-ть часовъ ночи, Фрамъ далъ отходный свистокъ и направился къ выходу въ открытое море. Самъ Нансенъ отправился на паровомъ катерѣ впередъ, чтобы сдѣлать промѣрку и вывести Фрамъ изъ пролива, отдѣляющаго Вайгаць отъ Югорскаго Шара.

Что ожидаетъ храброго, неустрашимаго путешественника у полюса, среди вѣчнаго моря льда? Достигнетъ ли онъ цѣли, воротится ли назадъ? Эти и подобныя вопросы невольно приходили Тронтьейму на мысль, когда Фрамъ разсѣкалъ въ послѣдній разъ воды у Югорскаго Шара.

Но все равно, увидитъ или нѣтъ вновь Нансенъ со своими спутниками людей, родину и милыхъ сердцу—ими его безсмертно; отечество и наука могутъ гордиться этимъ сильнымъ вѣрою сыномъ.

Американскій астрономъ Джонсонъ, задавался вопросомъ, что можетъ ожидать изслѣдователя на сѣверномъ полюсѣ, говорить, между прочимъ, что Нансену придется сдѣлать весьма любопытныя наблюденія. День будетъ держаться съ 21-го марта по 22-е сентября непрерывно, остальную часть года будетъ стоять темная ночь, въ родѣ нашихъ осеннихъ ночей. Звѣзды будутъ видны, но Нансенъ не увидитъ ни восхода, ни заката ихъ. Повсюду царитъ угнетающее безмолвіе. Потомъ настанутъ бури, ураганы въ этомъ ледяномъ морѣ. Будутъ слышны вой, стоны, рыданія въ безвредномъ мракѣ, точно разверзлись всѣ адскія силы. И при этомъ непроницаемая ночь. Знаешь, что горы льда кругомъ надвигаются на хрупкій корабль; знаешь также, что внизу море; но не видишь ничего. Ураганъ воетъ, свиститъ, а корабль злобно трещитъ. Потомъ настанетъ свѣтъ, когда Нансенъ увидитъ занимающуюся зарю. Онъ замѣтитъ красный блескъ Ав-

рору, возвѣщающей солнцу. Небо подернется золотомъ, и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ постепенно будетъ восходить солнце. Въ три послѣдующихъ мѣсяца оно будетъ снова опускаться внизъ. Но въ теченіе этихъ 6-ти мѣсяцевъ будетъ свѣтло. Потомъ снова настанутъ сумерки и ночь.

Насколько пригоденъ Fram для плаванія по полярнымъ морямъ и какъ онъ свободно пробирается по океану, покрытому сплошнымъ льдомъ, можно судить по тому небольшому переходу, сдѣланному судномъ отъ Вардэ до Югорскаго Шара, который описываетъ секретарь лондонской газеты г. Оли Христофорсонъ. Пароходъ Fram, говоритъ онъ, покинулъ Вардэ 21-го іюля н. с., при чемъ избралъ курсъ къ самой южной точкѣ Новой Земли, желая избѣгнуть сплошного льда при входѣ въ Югорскій проливъ. Къ полуночи появился густой туманъ, двое сутокъ застилавшій небо. Fram остановился; бросили якорь. Нансенъ и его спутники занялись, по обыкновенію, различными естественно-историческими опытами и изслѣдованіями. Рано утромъ, 25-го іюля, туманъ нѣсколько разсѣялся, и на горизонтѣ показался первый ледъ, подвигавшійся широкою полосой; ледъ однако, вскорѣ скрылся. Не успѣлъ корабль сдѣлать 20-ти миль пути, какъ внезапно появившійся новый туманъ такъ густо окуталъ пароходъ, что пришлось вторично бросить якорь. Когда, спустя нѣсколько часовъ, пароходъ снова снялся съ якоря, то вскорѣ попалъ въ широкую полосу сплошного льда. Чувствовалось большое удовольствіе сознавать себя находящимся на суднѣ, такъ искусно приспособленномъ къ плаванію въ полярныхъ льдахъ. Трудно описать, до какой степени легко и свободно Fram скользилъ по огромнымъ волнамъ, оглушительно ревѣвшимъ вслѣдствіе столкновеній льдинъ. Когда впереди кормы путь казался вдругъ совершенно преграж-

деннымъ плотно сбившеюся ледяною массой, Fram ни на минуту не останавливаясь, продолжалъ подвигаться впередъ, мощнымъ стальнымъ носомъ прокладывая себѣ дорогу, такъ что льдины выше ста тоннъ вѣсомъ, будто мячики, разлетались въ обѣ стороны; въ это время на Fram'ѣ не ощущали ни малѣйшихъ толчковъ, какъ будто подъ кормою только слегка колебалось спокойное море. 29-го мы прибыли въ Хабарово; здѣсь приняты на пароходъ 34 собаки. 2-го августа набрали воды для машинъ, а 3-го подняли якорь и двинулись въ путь—къ вѣчной славы, или навстрѣчу неизвѣстнымъ случайностямъ.

На этомъ обрывается корреспонденція. 26-го августа, какъ извѣстно изъ газетъ, нѣсколько самофодовъ видѣли отважный Fram быстро подвигавшимся къ сѣверовостоку. Онъ пробирался въ это время сквозь сплошное поле полярныхъ льдинъ и находился въ 26 миляхъ выше Ялмала. Дальнѣйшее движеніе Fram'а къ полюсу можно будетъ выразить только въ градусахъ, дать же географическое понятіе о мѣстѣ нахожденія его болѣе уже возможности не представится, такъ какъ приполярныя области не изслѣдованы.

Что же касается Тронтхейма и Христофорсона, то имъ пришлось ждать „Уранію“ болѣе десяти дней, живя въ шалангѣ и имѣя постоянное общеніе съ самофодами, кочевавшими тутъ. По приходѣ „Ураніи“ оказалось, что она, какъ и предполагалъ Нансенъ, стояла за льдами и не могла ранѣе достигнуть Югорскаго Шара. Тронтхеймъ съ Христофорсономъ отправились на „Уранію“ до Вардэ, гдѣ и выполнили всѣ порученія, данныя имъ Нансеномъ. Въ Вардэ они жили нѣсколько дней до прихода парохода русской компаніи „Ломоносовъ“, на которомъ благополучно достигли Архангельска.